

Всероссийская олимпиада школьников
Муниципальный этап
9 класс

270 минут

Задание 1. Целостный анализ текста. Выберите для анализа ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Обратите внимание на специфику жанра, тематики, проблематики и системы образов в представленных произведениях.

В. Шукшин

«Земляки»

Ночью перепал дождь. Погромело вдали... А утро встряхнулось, выгнало из туманов светило; заструилось в трепетной мокрой листве текучее серебро. Туманы, накопившиеся в низинах, нехотя покидали землю, поднимались кверху.

Стариковское дело — спокойно думать о смерти. И тогда-то и открывается человеку вся сокрытая, изумительная, вечная красота Жизни. Кто-то хочет, чтобы человек напоследок с болью насытился ею. И ушел.

И уходят. И тихим медленным звоном, как звенят теплые удила усталых коней, отдают шаги уходящих. Хорошо, мучительно хорошо было жить. Не уходил бы!

Шагал по мокрой дороге седой старик. Шагал покосить травы коровенке. Деревня осталась позади за буграми. Место, куда направлялся он, называлось кучугуры. Это такая огромная всхолмленная долина — предгорье. Выйдешь на следующий бугор — видно всю долину. А долину с трех сторон обступили молчаливые горы. Вольный зеленый край. Здесь издавна были покосы.

На «лбах» и «гривах» травы — коню по брюхо, Внизу — согры, там прохладно, в чащобе пахнет прелым. Там бьют из земли, из ржаной, жирной, светлые студеные ключи. И вкусна та вода! Тянет посидеть там; сумрачно и зябко, и грустно почему-то, и одиноко. Конечно, есть люди, которым не все равно: есть ты или нет., Но ведь... что же? Тут сам не поймешь: зачем дана была эта непосильная красота? Что с ней было делать?.. Ведь чего и жалко-то: прошел мимо — торопился, не глядел.

А выйдешь на свет — и уж жалко своей же грусти, кажется, вот только вошло в душу что-то предрассветно-тихое, нежное; но возрадуешься, понесешь, чтобы и впредь тоже радоваться, и — нет, думы всякие сбивают, забываешь радоваться,

Выше поднималось солнце. Туманы поднялись и рассеялись. Легко парила земля, испарина не застила свет, она как будто отнимала его от земли и тоже уносила вверх.

Листья на березах в околках пообсохли, но еще берегли умытую молодую нежность — жарко блестели. Огромную тишину утра тонко просвистывали невидимые птицы.

Все теплей становится. Тепло стекает с косогоров в волглые еще долины; земля одуряюще пахнет обилием зеленых своих сил.

Старик прибавил шаг. Но не так, чтобы уже в ходьбе устать. Сил оставалось мало, приходится жалеть.

Он ходил, ездил по этой дороге много — всю жизнь, знал каждый поворот ее, знал, где приотпустить коня, а где придержать, чтобы и он тоже в охотку с утра не растратился, а потом работал бы вполсилы. Теперь коня не было. Он помнил всех своих коней, какие у него перебивали за жизнь, мог бы рассказать, если бы кому-нибудь захотелось слушать, про характер и привычки каждого, тихонько болела душа, когда он вспоминал своих коней. Особенно жалко последнего: он не продал его, не обменял, не украли его цыгане — он издох под хозяином.

Было это в тридцать третьем году. Старик (тогда еще не старик, а справный мужик Анисим Квасов, Анисимка, звали его) был уже в колхозе, работал объездным на полях. Случился тогда большой голод. Ели лебеду, варили крапиву, травились зимовальным зерном, которое подметали вениками на токах. Ждали нового урожая; надо было еще прожить лето. Вся надежда на коров: молоком отпаивали опухших детей.

И вот как-то, в покос тоже, пастух деревенский, слабый мужичонка, совсем ослаб, гоняясь за коровами, упал без сознания. Сколько он там пролежал, бог его знает, говорил потом — долго. Коровы тем временем зашли на клевер... Поздно вечером пригнал он их в деревню, раздувшихся, закричал первым встречным: «Спасайте, они клевера обожрались!» Что тут началось!.. Бабы завывали, мужики всполошились, схватили бичи и стали гонять коров по улицам. Беда пришла, стон стоял в деревне. Коровы падали, люди тоже задыхались, тоже падали. У Анисима был конь (когда Анисима определили объездным, ему дали из колхоза бывшего его собственного мерина Мишку); Анисим, видя такое дело, вскочил на Мишку и стал тоже гонять коров. Всю ночь вываживали коров. К утру Мишка захрипел под Анисимом и пал на передние ноги. Сколько ни бился Анисим, мерин не вернулся к жизни. Анисим плакал, убивался над конем... Его обвинили во вредительстве, и он сидел месяца полтора в районной каталажке. Потом ничего, обошлось.

Вот наконец и делянка старика: пологая логовинка недалеко от дороги, внизу согра с ключом.

Солнце поднялось в ладонь уже; припоздал.

Наскоро перекусив малосольным огурцом с хлебом, старик отбил литовку, повжикал камешком по жалю.

Нет милее работы — косьбы. И еще: старик любил косить один. Чего только не передумаешь за день!

Сочно, просвистывая, сечет коса; вздрагивает, никнет трава. Впереди шагах в трех подняла голову змея... И потекла в траве, поблескивая гибким омерзительным телом своим. Опять воспоминание: раз, парнишкой еще, ехал он на коне хорошей рысью. Внезапно, почуяв или увидев змею, конь прыгнул вбок. Анисимки как век не было на коне — упал. И прямо задницей на нее, на змею. Неделью потом поносило («гвоздем летело»).

Память все же выталкивает и выталкивает из глубины прожитой жизни светлые, милые сердцу далекие дни. Так в мутной, стоялой воде тихого озера бьют со дна чистые родники.

Вот, змеи... Был тогда на деревне дед Куделька. Он говорил ребятишкам, что за каждую убитую змею — сорок грехов долой. А если змею бросить в огонь, то можно увидеть на брюхе ее ножки — много-много. И ребятня азартно снимала с себя грехи. И жгли змей, и правда, когда она прыгала в костре, на брюхе у нее что-то такое мелькало — белое, мелкое и много. Ребятишки орали: «Видишь! Вон они!» Все видели ножки.

До обеда, как трава совсем обсохла, старик косил. Солнце поджигало; на голову точно горячий блин положили.

— Слава богу! — сказал старик, глядя на выкошенную плешину: отхватил изрядно. На душе было радостно.

Он пошел в шалашик, который сделал себе загодя, когда приходил проводить травы. Теперь можно хорошо, не торопясь поесть.

В шалаше теплый резкий дух вялой травы. Звенит где-то крохотная пронзительная мушка; горячую тишину наполняет неутомимый, ровный, сухой стрекот кузнечиков. Да с неба еще льются и скользят серебряные жаворонки-сверлышки,

Хорошо! Господи, как хорошо!.. Редко бывает человеку хорошо, чтобы он знал: вот — хорошо. Это когда нам плохо, мы думаем: «А где-то кому-то хорошо». А когда нам хорошо, мы не думаем: «А где-то кому-то плохо». Хорошо нам, и все.

Старик расстелил на траве стираную тряпочку, разложил огурцы, хлеб, батунок мытый... Пошел к ключу: там в воде стояла бутылка молока, накрепко закупоренная тряпчатой пробкой. Склонился к ручью, оперся руками в сырой податливый бережок, долго, без жадности пил. Видел, как по ржавому дну гоняются друг за другом крохотные светлые песчинки.

«Как живые», — подумал старик. С трудом поднялся, взял бутылку и пошел к шалашу. А там, у шалашика, сидят на пеньке старик в шляпе и с палочкой. Покуривает,

— Доброго здоровья, — приветствовал старик в шляпе. — Увидел — человек, присел отдохнуть. Возражений нет?

— Чево ж? — сказал Анисим. — Давай сюда, тут все же маленько не так жарит.

— Жарко, да. — Старик в шляпе вошел тоже в шалашик, сел на траву. — Жарковато.

«В добрых штанах-то... зеленые будут», — подумал Анисим.

— Хошь, садись со мной? — пригласил он.

— Спасибо, я поел недавно. — Старик в шляпе внимательно смотрел на Анисима, так что тому даже не по себе стало. — Косишь?

— Надо. Нездешний, видно?

— Здешний.

Анисим глянул на гостя и ничего не сказал.

— Не похож?

— Пошто? Теперь всякие бывают. — Анисим захрумкал огурцом... И уловил взгляд гостя: тот смотрел на нехитрую крестьянскую снедь на тряпочке. «Хочет, наверно».

— Подсаживайся, — еще раз сказал он,

— Ешь, тебе еще полдня работать. Робить.

— Да хватит тут!

Городской старик снял шляпу, обнаружив блестящую лысину, придвинулся, взял огурец, отломил хлеба.

— У тебя газеты нету? — спросил Анисим.

— Зачем? — удивился гость.

— Иззеленишь штаны-то. Штаны-то добрые.

— А-а... Да шут с ними. Ах, огурцы!..

— Што?

— Объеденье!

— Здешний, говоришь... Откуда?

— Тут, близко...

Не верилось Анисиму, что гость из этих мест — не похоже действительно.

— Сейчас-то я не здесь живу. Родом отсюда.

— А-а, погостить?

— Побывать надо на родине... Помирать скоро. Ты из какой деревни-то?

— Лебяжье. Вот по этой дороге...

— Один со старухой живешь?

— Ага.

— Дети-то есть?

— Есть. Трое. Да двоих на войне убило.

— Где эти трое-то? В городе?

— Один в городе, Колька. А девахи замужем... Одна в Чебурлаке, за бригадиром колхозным, другая — та подальше. — Не сказал, что другая замужем не за русским. — Была Нинка-то по весне... Ребятишки большие уж.

— А Колька-то в каком городе?

— Да он — и в городе, и не в городе: работа у ево какая-то непутевая, вечно ездит: железо ищут.

— А какой город-то?

— В Ленинграде. Пишет нам, деньги присылает... Так-то хорошо живет.

Хочет тоже приехать, да все не выберется. Может, приедет.

Городской старик отпил немного молока, вытер платком губы.

— Спасибо. Хорошо поел.

— Не за што.

— Косить пойдешь?

— Нет, обожду маленько. Пусть свалится маленько.

— Колька-то с какого года? — спросил еще гость.

— С двадцатого. — Тут только Анисим подумал: «А чего это он выпрашивает-то все?» Посмотрел на гостя.

Тот невесело как-то, но и не так чтобы уж совсем печально усмехнулся.

— Вот так, земляк, — сказал.

«Чудной какой-то, — подумал Анисим. — Старый — чудить-то».

— Здоровьем-то как? — все пытал городской.

— Бог милует пока... Голова болит. У нас полдеревни головами маются, молодые даже.

— Из родных-то есть кто-нибудь? Братья, сестры...

— Нет, давно уж...

— Умерли?

— Сестры умерли, брат ишо с той войны не пришел.

— Погиб?

— Знамо, пошто с войны не приходят?

Городской закурил. Синяя слоистая струйка дыма потянулась к выходу. Здесь, в шалаше, в зеленоватой тени, она была отчетливо видна, а на светлой воле сразу куда-то девалась, хоть ветерка — ни малого дуновения — не было. Звенели кузнечики; посвистывали, шныряя в кустах, птицы; роняли на теплую грудь земли свои нескончаемые трели хохлатые умельцы.

По высокой травинке у входа в шалаш взбиралась вверх божья коровка. Лезла упорно, бесстрашно... Старики загляделись на нее. Коровка долезла до самого верха, покачалась на макушке, расправила крылышки и полетела как-то боком над травами,

— Вот и прожили мы свою жизнь, — негромко сказал городской старик. Анисим вздрогнул: до странного показалась знакомой эта фраза. Не фраза сама, а то, как она была сказана: так говорил отец, когда задумывался, — с еле уловимой усмешкой, с легким удивлением. Дальше он еще сказал бы: «Мать твою так-то», Ласково.

— Не грустно, земляк?

— Грусти не грусти — што толку?

— Што-то должно помогать человеку в такое время?

— У тебя болит, што ль, чего?

— Душа. Немного. Жалко... не нажился, не устал. Не готов, так сказать.

— Хэх!.. Да разве ж когда наживесся? Кому охота в ее, матушку, ложиться.

— Есть же самоубийцы...

— Это хворые. Бывает: надорвется человек, с виду вроде ничего ишо, а снутри не жилец. Пристал.

— И не додумал чего-то... А сам понимаю, глупо: что отпущено было, давно все додумал. — Городской помолчал. — Жалко покоя вот этого... Суетился много. Но место надо уступать. А?

— Надо. Хэх!.. Надо.

— А так бы и пристроился где-нибудь, чтоб и забыли про тебя, и так бы лет двести! А? — Старик засмеялся весело. Что-то опять до беспокойства знакомое проскользнуло в нем — в смехе. — Чтоб так и осталось все. А?

— Надоест, поди.

— Да вот все никак не надоест!

— А ты зараньше не думай про ее — не будешь страшиться. А придет — ну придет... Сколько там похворает! В неделю люди сворачиваются,

— Да.

— Ты вот вперед загадываешь, а я беспречь назад оглядываюсь — тоже плохо. Расстройство одно.

— Вспоминаешь?

— Но.

— Это хорошо.

— Хорошо, а все душу тревожишь. Зачем?

— Нет, это хорошо. Что же вспоминается? Детство?

— Больше — детство.

— Расскажи чего-нибудь! Хулиганили?

— Брат у меня был, Гринька, — тот прокуда был. — Анисим улыбнулся, вспомнив. — Откуда чево бралось!.. И на войне-то, наверно, вперед других выскочил...

— Что же он вытворял? — живо заинтересовался городской старик. — Расскажи-ка.., пожалуйста, пока отдыхаешь.

— Хэх!.. — Анисим покачал головой, долго молчал. — Шельма был... Один раз поймал нас у себя в огороде сосед наш, Егор Чалышев, ну, выпорол. За дело, конечно: не пакости. Арбузишки-то зеленые ишо, мы их больше портили, чем ели. Ночью-то не видно: об коленку ево — куснешь, зеленый — в сторону. Да. Выпорол с сердцем. Потом ишо отец добавил. Гриньку злость взяла. И чево придумал: взял пузырь свиначий — свинью тогда как раз резали, — растер ево в золе... Знаешь, как пузыри-то делают?

— Знаю.

— Вот. Высушил, надул, нарисовал на ем морду страшную... — Анисим засмеялся. — Где он такую харю видал?.. Ну, дождались мы ночи, подкрались тихонько к Егору на крыльцо, привязали за веревочку к верхнему косяку пузырь тот... Утром Егор открыл дверь-то — и на улицу выходит, — а ему прям в лицо харя-то эта глянула.., Мужик чуть в штаны не наворотил. Захлопнул дверь, да в избу. Да давай в трубу орать: «Караул! У меня черт на крыльце!»

Городской старик громко захохотал. До слез досмеялся...

— Трухнул мужичок. А? Ха-ха!..

— Да, так Егора потом и звали: «Егорка, черт на крыльце».

А раз — мы уж побольше были — на покосе тоже... Миколай Рогодин — хитрый был мужик, охотник до чужого — и говорит вечером: «Гринька, — говорит, — подседлай какого-нибудь коня, хошь моева, дуй в деревню, насшибай кур у кого-нибудь. Курятинки охота». Гринька недолго думая подседлал коня — и в деревню. Через недолго время привозит пяток кур с открученными головами. Мы все радешеньки. Заварили их тут же... Ну и умели в охотку. А Миколай ел да прихваливал: молодец, мол, Гринька! А Гринька ему: «Ешь, дядя Миколай! Ешь, как своих».

Оба старика от души посмеялись. Городской закурил.

— Поматерился же он потом!.. А што сделаешь — сам послал.

— Да... — Городской старик вытер глаза. Задумался.

Долго молчали, думая каждый свое, А жизнь за шалашом все звенела, накалялась, все отрешеннее и непостижимее обнажала свою красу под солнцем.

— Ну, пойду с богом... — сказал Анисим. — Маленько вроде схлынуло.

— Жарко еще...

— Ничево.

— Корову-то обязательно надо держать?

— Как же?

Анисим взял литовку, подернул ее брусом... Поглядел на ряды кошенины — неплохо с утра помахал. А городской старик смотрел на него... Внимательно. Грустно.

— Ну, пойду, — еще раз сказал Анисим.

— Ну, давай, — сказал городской. — Ну и... прощай, — Посмотрел еще раз в самые глаза Анисиму, ничего больше не сказал, пожал крепко руку и скоро

пошел в гору, к дороге. Вышел к дороге, оглянулся, постоял и пошел. И опять пропал за поворотом.

Старик косил допоздна.

Потом пошел домой.

Дома старуха с нетерпением — видно было — ждала его.

— К нам какой-то человек приезжал!.. — сказала она, едва старик появился в воротчиках. — На длинной автомашине. Тебя спрашивал. Где, говорит, старик твой? Анисим сел на порожок, опустил на землю узелок свой...

— В шляпе? Старый такой...

— В шляпе. В кустюме такой... Как учитель.

Старик долго молчал, глядя в землю, себе под ноги. Теперь-то вот и вспомнилась та странная схожесть, что удивила давеча днем. Теперь-то она и вспомнилась! Только... Неужели же?!

— Не Гринька ли был-то? Ты ничего не заметила?

— Господь с тобой!.. С ума спятил. С тово света, што ли?

С бабой лучше не говорить про всякие догадки души — не поймет. Ей, дуре, пока она молодая, неси не стыдись самые дурацкие слова — верит; старой — скажи попробуй про самую свою нечаянную думу — сам моментально дураком станешь.

— Уехал он?

— Уехал. Это после обеда пошла...

«Неужто Гринька? Неужто он был?»

Всю ночь старик не сомкнул глаз. Думал. К утру решил: нет, похожий. Мало ли похожих! Да и что бы ему не признаться? Может, душу не хотел зазря беречь? Он смолоду чудной был...

«Неужто Гринька?»

Через неделю старикам пришла телеграмма:

«Квасову Анисиму Степановичу.

Ваш брат Григорий Степанович скончался двенадцатого. Просил передать. Семья Квасова».

Брат был. Гринька.

(1968)

Анна Ахматова «Последнее стихотворение»

Одно, словно кем-то встревоженный гром,

С дыханием жизни врывается в дом,

Смеется, у горла трепещет,

И кружится, и рукоплещет.

Другое, в полночной родясь тишине,

Не знаю, откуда крадется ко мне,

Из зеркала смотрит пустого

И что-то бормочет сурово.

А есть и такие: средь белого дня,

Как будто почти что не видя меня,

Струятся по белой бумаге,
Как чистый источник в овраге.
А вот еще: тайное бродит вокруг —
Не звук и не цвет, не цвет и не звук, —
Гранится, меняется, вьется,
А в руки живым не дается.
Но это!.. по капельке выпило кровь,
Как в юности злая девчонка — любовь,
И, мне не сказавши ни слова,
Безмолвием сделалось снова.
И я не знавала жесточе беды.
Ушло, и его протянулись следы
К какому-то крайнему краю,
А я без него... умираю.
(1960)

Максимально 70 баллов

Задание. 2 Перед вами – «литературные свидания» в иллюстрациях отечественных художников. На рисунках изображены сцены из произведений классиков русской литературы. Ваша задача – угадать произведение, опираясь на текст.

Рис. 1

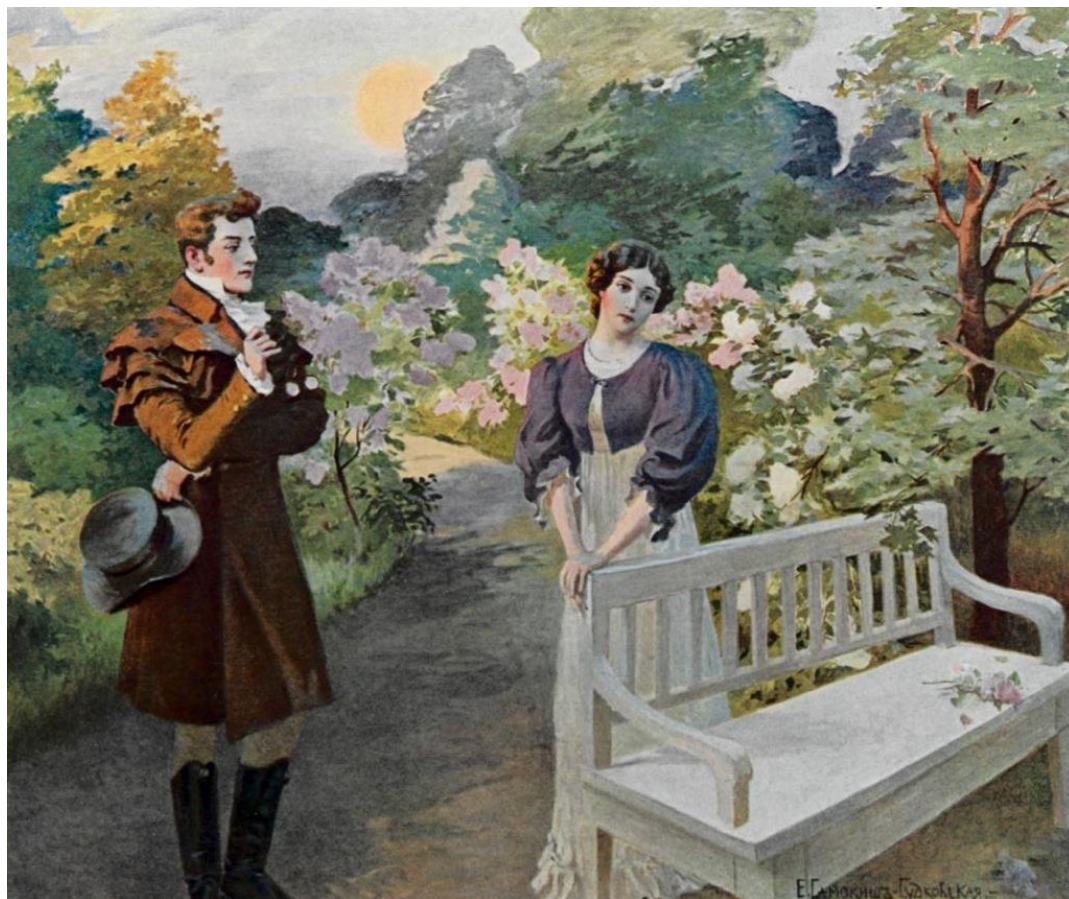

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4